

АНТИЧНЫЙ МИР

«ДРУЗЬЯ ЦАРЯ» В ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОЙ МОНАРХИИ

Р.В. Зарапин

Кафедра всеобщей истории
Российский государственный гуманитарный университет
ул. Чаянова, 15, Москва, Россия, 125267

В статье анализируются вопросы становления и развития института «друзей царя» в эллинистической монархии. Систематизируя обширный фактический материал, автор доказывает, что данный институт появился в государстве Птолемеев еще в IV в. до н.э., а впоследствии был воспринят и в государстве Селевкидов. Анализируются состав и функции «друзей царя» до и после реформы почетной титулатуры в середине II в. до н.э.

Ключевые слова: институт «друзей царя», государство Птолемеев, IV в. до н.э., государство Селевкидов, почетная титулатура.

В эпоху эллинизма царь являлся не просто олицетворением государства, но и жизненно необходимым элементом его существования, высшим чиновником с неограниченной компетенцией. Конечно, всеми государственными вопросами монарх лично заниматься не мог. Именно для осуществления политики государства и создавался аппарат центрального и местного управления, во всех эллинистических государствах состоящий из людей, известных как «друзья» и «родственники» царя. Институт «друзей» царя существовал и в доэллинистической Македонии (*getairoi tou basileos*), и в Римской империи (*amici principis* или *amici Augusti*), а у Птолемеев «друзья царя» (*filoi tou basileus*) появляются уже в текстах конца IV в. до н.э. Л. Мурен приводит сведения о двадцати трех «друзьях царя», живших в конце IV — начале II в. до н.э. (1). Семеро из них (Никанор (PP, II, 2169; PP, VI, 14616), Селевк (PP, VI, 14625; PP, VI, 16094), Андроник (PP, VI, 10062a; PP, VI, 14582), Киллес (PP, II, 2164; PP, VI, 14609), Аргайос (PP, VI, 14587), македонец Калликрат (PP, VI, 14606) и Деметрий Фалерский (PP, VI, 16514, 16742)) были «друзьями» Птолемея I; один (Сострат Книдский (PP, I, 185; PP, VI, 16555)) служил и Птолемею I, и Птолемею II; четверо (Антигон (PP, VI, 14583), Калликрат Самосский (PP, I, 894; PP, III, 5164; PP, IV, 10086; PP, VI, 14607), Пелопс (PP, VI, 14618) и Дионисий (PP, VI, 14599)) находились при дворе Птолемея II. Деятельность Аполлодора (PP, VI, 14585, 14888) относится ко вре-

мени Птолемея II и III; Антиоха (PP, III, 4999; PP, VI, 14584), Кастора (PP, VI, 14608) и Симмия (PP, VI, 14628) — ко времени Птолемея III; Афениона (PP, VI, 14578) — к эпохе Птолемея III и Птолемея IV. Наконец, еще шестеро «друзей царя» служили Птолемею IV: это Сосибий (PP, I, 48; PP, II, 2179; PP, III, 5272; PP, IV, 10100; PP, VI, 17239), Птолемей, сын Хризерма (PP, III, 5238; PP, VI, 14624), Агафокл, Формион (PP, VI, 14635), Аристократ (PP, VI, 14591) и Птолемей Александриец (PP, VI, 14693).

По своей природе институт «друзей царя» носит общеэллинистический характер; носители этого титула, как мы увидим впоследствии, были отмечены не только в Египте, но в государстве Селевкидов, Пергаме, Вифинии (2) и других странах региона. В отечественной историографии появление «друзей царя» рассматривается как начальный этап складывания эллинистического чиновничества на основе армии (3).

Одним из основных источников этого института является македонская традиция. Воины в доэллинистической Македонии являлись настоящими друзьями (гетайрами) царя, помогавшими ему не только службой, но и советом, и высказывавшими свое мнение публично. Институт гетайров — след архаичных греческих обычаев, существовавших с древнейших времен (4), — в практически неизменном виде сохраняется до последней трети IV в. до н.э.

Многочисленные источники содержат упоминания о «друзьях», служивших правителям в древности (Ael. Var. hist., XIII, 4; Plut. Pelop., XXVII; Homer. II., D, 204, 523; E, 663; Z, 170, 260). Есть данные и о «друзьях» Филиппа (Iust., XI, 1, 5), которые были равными царю по крови и рангу (5). Среди этих «друзей» выделяются Парменион, Антипатр (который служил еще Пердикке), Алкимах, Клиг, Аттал. О степени их влияния мы можем судить, зная, что Пармениона и Аттала Филипп посылает в первый «пробный» поход в Азию (Diod., XVI, 89; 91, 2; XVII, 2, 4; 5—6), доверяя им войско, то есть фактически уступая свои функции командующего. При Александре этот институт переживает серьезные изменения, продиктованные в первую очередь сменой этнической опоры царской власти. На первом этапе похода в круг «друзей» Александра входили в основном представители верхнемакедонской (Кратер, Пердикка) и столичной (Гефестион, Леоннат, Лисимах) знати; некоторые из них были «друзьями» еще Филиппа (так называемая «старая гвардия» (6) — Аттал, Парменион, Филота, Антипатр, Антигон), а некоторые — ровесниками самого Александра (7). Они разделяли все заботы царя и имели доступ ко всем политическим делам (Arr. Anab., II, 7, 2; 25, 1). Национальные и социальные рамки круга «друзей» позднее были царем значительно расширены; места ближайших советников занимают Птолемей, Гарпал, Непарх, Лаомедон, Эригий (последние трое — греки); следует обратить внимание на включение Александром в число «друзей» врача, спасшего ему жизнь (Diod., XVIII, 31, 4), и доступ в конницу гетайров варваров (Arr. Anab., VII, 6, 3—5; Curt., VI, 11, 11). Александр Македонский еще советуется со своими воинами на берегу Инда (Arr., V, 25) и в Описе (Arr., VII, 9, 1; Diod., XVII, 79; Plut. Alex., XLIX; Curt., VI, 9), однако после окончания восточного похода функции этих советчиков становятся столь узкими, что Ф. Шахермейр небезосновательно называет «друзей» «послушными

марионетками» Александра (8). Свою роль играет и смена элит, когда в руководство империей проникает все больше и больше греков и персов (Iust., XII, 12; Plut. Alex., 71).

В этой связи нельзя не остановиться на карьере Птолемея, который становится приближенным Александра и входит в круг его «друзей» еще в Македонии (Plut., Alex., 10). В битве при Иссе наряду с Пердиккой, Кеном, Мелеагром и Аминтой он командует своим войском (Curt., III, 9, 7); приводит к Оксу наемников (Curt., VII, 10, 11); пытается остановить царя и удерживает его вместе с Пердиккой, Лисимахом и Леоннатом, когда тот пытается убить Клита (Curt., VIII, 1, 45—46); дежурит у царских покоев (Curt., VIII, 6, 22); во время Индийского похода (Curt., VIII, 10, 21; 13, 18—19) и после него (Curt., IX, 10, 6—7) командует отдельным подразделением. Именно за ним ухаживает Александр после ранения Птолемея во время индийского похода (Curt., IX, 8, 22—27; Iust., XII, 10, 3).

Сам Птолемей обзаводится «друзьями» еще в период борьбы за власть в Египте после первого раздела сатрапий между диадохами (Diod., XVIII, 14, 2; 28, 6; 33, 4—5). Сословный состав его «друзей» традиционен для эпохи эллинизма — это изгнанники, артисты, философы, доктора, ученые, принимающие активное участие в политической жизни страны (9). Отношения между Птолемеем и его «друзьями», как и во всех эллинистических монархиях, основывались на взаимодоверии и взаимопомощи (Diod., XXI, 12). Этот титул является личным (см., напр., OGIS, 256; Plut. Alex., 41—42), и выбор «друзей» производился исключительно царем: это верно как для Птолемея (прямое указание: Plut. De exilio, 601), так и для Селевкидов (I Macch., 10, 65). Царь мог «унаследовать» друзей своего отца; наиболее характерный пример в истории эллинистического Египта — Афенион, служивший Птолемею III, Птолемею IV и Птолемею V (Jos. Ant. Jud., XII, 171); Аполлодор, Аристократ и Птолемей Александриец также продолжили служить преемнику того царя, который даровал им титул «друга». Подобная практика была свойственна и Селевкидам (RC, 32). Вероятно, такой преемственности способствовал институт соправления, распространенный и у Птолемея, и у Селевкидов. С другой стороны, царь в любой момент мог избавиться от неудобных ему «друзей» и отобрать все дары: это происходит с Деметрием Фалерским (Diog. Laert., V, 78) и «другом» Птолемея VI Галастом (Diod., XXXIII, 20); аналог этому мы видим и у Селевкидов (Diod., XXXIV, 3).

Деятельность «друзей царя» была весьма многогранна. Можно выделить несколько ее направлений. В конце IV — начале III в. до н.э. почти все «друзья царя» были так или иначе связаны с военными походами, причем некоторые, такие, как завоеватель Келесирии и Финикии Никанор (Diod., XVIII, 43, 2; App. Syr., 52), являлись стратегами. Приведем несколько примеров.

Селевк, бежавший от Антигона Одноглазого к Птолемею, считается одним из инициаторов создания в 316 г. до н.э. коалиции Птолемея, Кассандра и Лисимаха против Антигона (Diod., XIX, 56—58; App. Syr., 53; Paus., I, 6, 4); во время собственно войны с Антигоном он не только осуществлял командование, но патрулировал с флотом финикийский берег (Diod., XIX, 58, 5—6), готовил морскую экспедицию в Ионию и Лидию и в 315 г. до н.э. непосредственно вел осаду Эрит-

ры (Diod., XIX, 60, 3—4), являлся инициатором отправки на Пелопоннес экспедиции Поликлета (PP, V, 13784) с 50 кораблями (Diod., XIX, 62, 4—5; 64, 4), захватил кипрские города Керинею и Ларетос, добился поддержки действий коалиции со стороны царя Стасийоика из Мариона, принял меры против вторжения династа Аматауса, осадил Китион (Diod., XIX, 62, 2) и принял участие в экспедициях на Лемнос (Diod., XIX, 68, 3) и Кос (Diod., XIX, 68, 4). Он подтолкнул Птолемея к завоеванию Келесирии (Diod., XIX, 80, 3), вместе с будущим царем Египта командовал египетскими войсками в операции против Деметрия Полиоркета в 312 г. до н.э. (Diod., XIX, 81, 5) и в битве при Газе (Diod., XIX, 83—85), которая в итоге позволила ему претендовать на восстановление в Вавилоне и получить войска от Птолемея (Diod., XIX, 86, 5; 90—91; Porph. in Hieron. Comm. in Dan., XI, 5 (FGH, 260, F. 42); App. Syr., 54; Paus., I, 16, 1; Liban. Orat., XI, 82; FGH, 239) (10). Другой друг и стратег Птолемея, Киллес, должен был после битвы при Газе изгнать Деметрия Полиоркета из Сирии, однако был захвачен в плен (Diod., XIX, 86, 1—2) (11). Аргайос и македонец Калликрат в 310 г. до н.э. были посланы в карательную экспедицию против царя Саламина Кипрского — Никокреона — вместе с войсками стратега Кипра Менелая (PP, VI, 14537) осадили его дворец, и Никокреон покончил жизнь самоубийством (12).

Военная сторона деятельности была важной и для «друзей» Птолемея II. Так, Антигон около 275 г. до н.э. на вербовал для египетской армии кельтских наемников (Scholia Kallimach. Hymn. Delos vv. 175—187; Paus., I, 7) (13), а Пелопс, вероятно, командовал гарнизоном (14). К ним примыкает наварх Калликрат Самосский (RC, 14; OGIS, I, 29; Poseidippos in Athen., VII, 318d), о деятельности которого на этом посту четких данных мы не имеем (15). Полководцы есть и среди друзей Птолемея IV: Сосибий, о влиянии которого на государственные дела будет сказано позже, помимо прочего, выступил с армией против Антиоха III (Polyb., V, 63, 1; 63, 4; 65, 9; 66, 8; 67, 1; 67, 3), а в битве при Рафии вместе с Андромахом (PP, II, 2150) командовал фалангой, которая сыграла решающую роль в победе Птолемея IV (Polyb., V, 83, 3; 85, 9). Очевидно, его деятельность не сводилась к простому исполнению приказов: он принимал участие и в планировании операций, свидетельством чего является приписываемый ему (правда, неудачный) план по спасению соперника Антиоха — Ахея, окруженного в цитадели Сард (Polyb., VIII, 15, 2; 15, 4; 15, 6—7; 17, 6).

Нельзя сказать, что и после 205 г. до н.э. военные исчезают из числа «друзей» царя: друг Птолемея VI, принц Афамании Галаст в 152—145 гг. до н.э. во главе египетских войск воевал в Сирии против Деметрия I, Деметрия II и Александра Балы (Diod., XXXIII, 20); Египтянин (Plut. Pomp., 77) Ахилла, *amicus regis* Птолемея XIII (Caes. Bell. Civ., III, 104, 1; PP, II, 2154; PP, VI, 14594; ATPE, 029), отвечал за армию (App. Bell. Civ., II, 84; Caes., loc. cit), занимал должности *praefectus regius* (Caes., III, 104, 2), стратега (Plut. Caes., 49) и стратиарха (Dio Cass., XLII, 4, 1); он же возглавил заговор против Помпея, в котором непосредственное участие принимали войска (Plut. Pomp., 77—78).

К военной стороне деятельности «друзей царя» примыкает внешнеполитическая. Зафиксировать их посольские и представительские функции чрезвычай-

но важно в свете подчеркнутого ранее персонального характера эллинистической монархии; исполнение таких функций должно было свидетельствовать о не меньшем доверии со стороны царя, чем руководство армией. Друг Птолемея II Калликрат Самосский около 262—260 гг. до н.э. находился с царской миссией в Милете (RC, 14, 1.9), а позже совершил поездку в Палестину (PCZ, I, 59006, ll.21-22, 38-40; P. Mich. Zen., 100), хотя о ее официальном характере уверенно говорить нельзя. Несколько позже Афенион был послан царем в Иерусалим, чтобы потребовать уплаты налогов от первосвященника Онии (Jos. Ant. Jud., XII, 159; 171) (16). Уже упоминавшийся Сосибий после победы при Рафии в 217 г. до н.э. ездил в Антиохию, где ратифицировал мирный договор между Птолемеем IV и Антиохом III (Polyb., V, 87, 5; 87, 8).

Такая деятельность «друзей царя» также не является удивительной, поскольку зафиксирована в Египте и во II—I вв. до н.э. Нумений в начале 168 г. до н.э. находился с миссией на Крите (ICr., IV, 208A, 1.4-5), а позже ездил в Рим, чтобы поблагодарить сенат за вмешательство, которое привело к отступлению Антиоха IV из Египта (Polyb., XXX, 16; Liv., XLV, 13, 4—8); друг Марка Антония Алекс, или Александр (Jos. Bell. Jud., I, 393; Ant. Jud., XV, 197; PP, VI, 14484; АТРЕ, 031), ездил по его поручению к царю Ироду (Plut. Anton., 72). Она зафиксирована и в других эллинистических государствах. Так, друг Птолемея IV Формион, вероятно, прибыл в Египет с посланием от Филиппа V (OGIS, I, 81, ll.5-6, 14) (17).

«Друзья царя» имели большой вес и при решении вопросов внутривосточного характера. Нередко они занимали важнейшие государственные посты, такие, как губернатор Киликии Антиох (Hieron. Comm. in Dan., XI, 9 (FGH, 260. F.43)), отмечаемый в источниках в 246/5 г. до н.э. (PP, III, 4999; PP, VI, 14584; АТРЕ, 014) и иногда отождествляемый с Антиохом, сыном Кратиды — эпонимным жрецом Александрии. Однако среди «друзей царя» преобладали носители дворцовых титулов: друг Птолемея IV (Polyb., V, 38, 6; XV, 34, 4; Plut. Kleom., 33) логограф Птолемея III (P. Оху., XX, 2258) Сосибий, сын Диоскуриды, в 243—240 гг., вероятно, был диойкетом (SB, III, 7178, ll.1, 10; PCZ, III, 59368, ll.1, 8, 12 (= SB, III, 6769), PSI, V, 524, 1.1); друзья Птолемея XIII Потин и Ахилла называются «постельничими» (kateunastes) и «воспитателями» (tithenos) (Plut. Pomp., 77). Важно, что еще в III в. до н.э. «друзья царя» занимаются по поручению Птолемея экономикой страны. Единственное, однако весьма показательное упоминание об этом связывается с Калликратом, которому должность наварха не мешала потребовать от диойкета Аполлония (PP, I, 16) через одного из его подчиненных, Зоила (PP, I, 1682), уплаты налога на флот (P. Mich. Zen., 100, ll.1-3; PCZ, I, 59034, 1.1; PSI, IV, 435). К этой же сфере деятельности «друзей царя» относится и выполнение ими личных поручений царя полувоенного или полудиبلوماسية характера. Так, Симмий был послан Птолемеем III исследовать земли ихтиофагов (Agatharch. in Diod., III, 18, 4—7 (GGM, I. P. 135, 1.18 sqq)) (18), а «друг» Птолемея VI Деметрий (PP, VI, 14598) командовал кораблем, который по требованию Гая Попилия Лената должен был забрать Полиарата Родосского (Polyb., XXX, 9, 3—12) (19).

Однако дело состоит вовсе не в придворных титулах, а в том реальном влиянии, которое «друзья царя» оказывали на государственные дела. Уже неоднократно упомянутый Сосибий называется «самым влиятельным из друзей царя» (Plut. Cleom., 33), «ведавшим и распорядившимся всем без изъятия» (Ibid., 34). Влияние сказывается и в том, что *filoi* принимают участие в многочисленных придворных интригах и политических играх. Начинается это довольно рано: еще Деметрий Фалерский после смерти Птолема I впал в немилость и был изгнан в хору за то, что советовал покойному царю оставить наследником не Птолема II, а Птолема Керавна (Diog. Laert., V, 78), и вскоре умер в Бусиритском номе близ Диосполиса (Suidas, s.v). Все тот же Сосибий открыто выступает против Мага, а также интригует против прибывшего в Александрию в ссылку спартанского царя Клеомена III (Polyb., V, 35, 7—13; 36, 2—6; 37, 11; 38, 1; 38, 3—4; 38, 6; XV, 25, 1—2; Plut. Kleom., 33—35; Zenobios (CPG, I), III, 94). В то же время на стороне Клеомена III (PP, VI, 16118) выступает другой «друг царя» — Птолемей, сын Хризерма (Plut. Kleom., 36) (20). К более позднему времени относятся интриги друга Птолема VI Дионисия, пытавшегося поссорить царя с Птолемеем VIII и поднявшего мятеж после провала своих планов (21). К этому же ряду относится друг Птолема I Калликрат (Diod., XX, 21, 1), которого источник прямо называет льстецом (*kolaks*) (Euphantos in Athen., VI, 251d (= FGH, 74 F.1)) и который сопровождал царя в поездке в 308 г. до н.э. на Делос и посвятил царю две делосские золотые короны (IG, XI, 2, 161B, ll.54-55, 89—90; 162B, l.43; 164A, l.92; 199B, l.62; 203B, ll.54-55, 77—78; 208, l.9; 219B, l.9; 223B, ll.10-11; 287B, ll.6-7, 63; ID, 296B, l.27; 314B, ll.111-112; 315, l.5). Закономерным итогом развития данной тенденции будет создание в I в. до н.э. «царского совета», который при Птолемеях XIII возглавил евнух Потин (22), в латинских письменных источниках определяемый как «amicus regis» (Caes. Bell. Civ., III, 104, 1; App. Bell. Civ., II, 84). Сначала он устроил заговор с целью устранения Гнея Помпея Магна, который после поражения при Фарсалии бежал в Александрию (Caes. Bell. Civ., III, 104, 1—2; Liv. Periochae, 112; Luc. Phars., VIII, 482—535; Plut. Caes., 48; Plut. Brut., 33; Plut. Pomp., 77; App. Bell. Civ., II, 84; II, 86; Flor. Hist. Rom., II, 13, 52; Ampelius. Liber Memor., 35, 5; Anonym. de Viris Illustribus, 77, 9; Zonaras, X, 9), а потом возглавил заговор против императора (Caes. Bell. Civ., III, 108, 1—2; 112, 11; Liv. Periochae, 112; Luc. Phars., X, 94—103, 333—519; Plut. Caes., 48—49; Plut. Brut., 33; Plut. Pomp., 80; App. Bell. Civ., II, 90; II, 101; Flor., II, 13, 60; Dio Cass., XLII, 36; 39, 2).

Начиная как минимум с 60-х годов III в. до н.э. — времени складывания общегосударственного царского культа — «друзья царя» — Калликрат (P. Hib., II, 199; P. Yale, I. P. 66—67), Пелопс (PP, III, 5227), Сосибий (PP, III, 5272) и Птолемей, сын Хризерма (PP, III, 5238) — исполняют функции жрецов культа Александра и Птолемея в Александрии. Помимо этого, Калликрат около 270—266 гг. до н.э. основал культ Арсиной-Афродиты и святилище на мысе Зефирион близ Канописа (Poseidippos in Athen., VII, 318d) (23), а также посвятил канопосское святилище Исиды и Анубиса Птолемею II и Арсиное II (SB, I, 429). Многие высокопоставленные египетские чиновники (и даже некоторые чиновники во внешних владениях Птолемея) совмещают административные посты с выполнением жре-

ческих функций. В сущности, здесь сплелись все традиции — и в первую очередь египетская. Уже в птолемеевское время была составлена надпись Самтауи-Тэфнахта (24), который являлся гераклеопольским номархом и одновременно верховным жрецом богини Сохмет.

Имена многих «друзей царя» неразрывно связаны с эллинистической культурой. Первым в этом ряду мы должны поставить Деметрия Фалерского — философа, историка, ратора, филолога и поэта, который после смерти Кассандра бежал из Афин и нашел приют у Птолемея I (Plut. *De exilio*, 601). Именно Деметрий Фалерский считается одним из основателей Мусейона и Библиотеки (25).

Современником Деметрия Фалерского был Сострат Книдский, «друг» Птолемея I и Птолемея II (Strabo, XVII, 1, 6). Архитектор и инженер, кроме зданий в Книде (Plin. N.H., XXXVI, 83; Luc. *Amores*, 11) и Дельфах (FdD, III, 1, 298—299) (26), он построил ряд зданий в Египте (Luc. *Hippias*, 2; OGIS, I, 66, n. 1), в том числе знаменитый Фаросский маяк (Strabo, XVII, 1, 6; Plin. N.H., XXXVI, 83; Luc. *Quomodo historia sit conscr.*, 62; Suidas, s.v.; Steph. *Byz.*, s.v. *Faros*), простоявший более полутора тысячелетий и разрушенный землетрясением 1375 г. (27). Деятельность прочих приближенных Птолемеев имеет гораздо менее яркий характер: Калликрат установил в Олимпии статуи Птолемея II и Арсинои II (OGIS, I, 26, 1.3; 27, 1.3), Симмию, возможно, принадлежит упоминаемый Маркианом перипл Красного моря (Markianos // GGM. I. P. 565. ll.30-31), Сосибью — несохранившийся труд *Peri basileias*, посвященный Птолемею III или IV (Athen., IV, 144e) (28), а Агафоклу — комментарии к написанной Птолемеем IV трагедии «Адонис» (Scholia Aristoph. *Thesmoph.*, 1059). Вместе с тем никто из глав Александрийской библиотеки (29) — ни Зенодот из Эфеса, ни Каллимах, ни Аполлоний Родосский, ни Эратосфен — не принадлежат к числу «друзей» первых Птолемеев.

Очевидно, влияние «друзей царя» распространялось не только на собственно Египет и заморские владения Птолемеев, но и на сопредельные территории. Свидетельством этого является почет, оказываемый приближенным Птолемеев в Эгиде. Большинство «друзей царя» являются проксенами (к этому времени проксения уже приобрела характер исключительно почетного титула, не связывающего своего носителя практически никакими обязательствами): Калликрат — в Эфесе (PP, VI, 14606), Сострат Книдский — на Делосе (IG, XI, 4, 563; 1038; OGIS, I, 67; FdD, III, 1, 298, ll.4-5; 299, 1.2 (= OGIS, I, 66); Choix., 21—22) и в Кирене (IG, XI, 4, 1190), Калликрат — в Олоусе (Крит) (Inscr. *Cret.* I. P.245—252, No. 4a, ll.37-38), Сосибий — в Орхомене (IG, VII, 3166, ll.3-4), друг Птолемея VI — в Гортине (Inscr. *Cret.* IV, 208a, ll.4-5). Есть много примеров почитания «друзей царя» без объявления их проксенами: так, Калликрат почитался на Самосе, Делосе (SIG, I, 420; IG, XI, 4, 1127), а также в Палайпафосе и Курионе на Кипре (30); Пелопс и Дионисий — на Самосе (SEG, I, 364. ll.2-4,9; SEG, I, 365, 1.2-4); Аполлодор — в Дельфах (FdD, III, 4, 27, 1.1); Кастор — в Афинах (IG, II—III, 838, ll.10-11, 16—20); Формион — в Оропе (Беотия) (PP, VI, 14635); Сосибий — на Делосе (IG, XI, 4, 649) и в Танагре (OGIS, I, 80, 1.3), а также частными лицами — александрийцем

Агатобулом (PP, VI, 15784) в Книде (OGIS, I, 79, 1.1-2) и личным доктором Птолемея IV физиком Андреем, посвятившим Сосибии свою работу (Soranos, II, 17, 53).

В самом Египте некоторым «друзьям царя» предоставлялась *dorea* («дар») в виде земли (Сосибии — в Гераклеопольском номе (P. Tebt., III, 860, ll.17, 18, 20, 61, 67, 110) и в Теносе (IG, XII, 5, 872, ll.115, 117)) или дохода (Агафокл (BGU, VI, 1415, 1.2; P. Wilb., 2, ll.3-4; P. Strassb., 294, ll.4-5; P. Ryl., IV, 592, ll.8,11)). Этот «дар», очевидно, является пожизненным, но в принципе отчуждаемым царем: так, Птолемей VIII забрал у Галаста землю, дарованную Птолемеем VI (Diod., XXXIII, 20). Именами «друзей царя», вероятно, называются географические объекты: в честь Калликрата — озеро (P. Petrie, III, 56b, 1.9; PP, I, 894) и деревня в Арсиноитском номе (PSI, IV, 353, 1.2; PCZ, IV, 59596, 1.22; SB, IV, 7451, 1.73), а также деревня в Дельте (P. Tebt., III, 889, 1.38); в честь Пелопса — группа островов (31); в честь Агафокла — два острова в Красном море (32).

Итак, деятельность центрального аппарата государства Птолемеев в III в. до н.э. была фактически невозможна без участия немногочисленных, но весьма активных «друзей царя», которые по поручению Птолемеев занимались как внешне- и внутривосточными вопросами, так и проблемами экономического развития страны. Деятельность некоторых «друзей» носила поистине всеобъемлющий характер. По сути, отдельные *filoi* подменяют собой царя во главе государства — иначе невозможно объяснить, почему Полибий говорил о Сосибии как об «опекуне» Птолемея IV (Polyb., XV, 25, 1) и человеку, который не просто имел наибольшее влияние на царя (Polyb., V, 35, 7), но попросту стоял во главе государства (Polyb., V, 63, 1). Следует обратить внимание на то, что такая ситуация совершенно не характерна для конца IV в. и первой половины — середины III в. до н.э., когда у власти находились первые представители династии Птолемеев — сильные и активные Птолемеи I, II и III. Это закономерным образом совпадает с общим кризисом в государстве Птолемеев, начало которого приходится на период царствования Птолемея IV.

Мы видим, что «друзья» нередко по долгу службы находились не в столице и не всегда были членами свиты; единственное, что их объединяло — личная связь с царем. Гетерогенность этой категории (33) унаследована с македонских времен. В сущности, «друзья» эллинистических царей — это те же гетайры, однако этот институт Александром был объединен с персидскими дорифорами (34). Однако и институт «гетайров» не исчезает в птолемеевском Египте. Источники сохранили сведения об Агафокле Самосском, который традиционно включается в число «друзей», однако называется гетайром (*getairos*) (Athen., VI, 251e = Polyb., XIV, 11, 1; Aeg., 32 (1952). P. 210—211) и возлюбленным (*eromenos, concubinus*) Птолемея IV (Scholia Aristoph. Thesmoph., 1059; Porphyrios in Hieron., Comm. in Dan., XI, 13-14 = FGH, 260 F. 45), чьим кравчим он был в детстве (Polyb., XV, 25, 32). Очевидно, привязанность царя в данном случае была личной, а не продиктованной деловыми качествами Агафокла. В то же время характер деятельности гетайра практически ничем не отличается от круга дел прочих «друзей царя». На наш взгляд, это доказывает, что институт гетайров не мог быть единственным источ-

ником института эллинистических «друзей царя», но постепенно так называемая свита и *filoi* сближаются, формируя в условиях общего кризиса некую массу, которая начинает оказывать большое влияние на ход дел в государстве.

Кризис государства неизбежно сказывается и на институте «друзей царя». Чем занимаются последние «друзья» — окружение Клеопатры VII? Один из них, Аполлодор Сицилийский, в 48 г. до н.э. тайно доставил ее во дворец для первого знакомства с Цезарем (Plut. Caes., 49; Zonaras, X, 10; RE, Suppl. 3 (1918), col. 134; PP, VI, 14586); другой, Архивий, после смерти Клеопатры заплатил Цезарю две тысячи талантов, чтобы спасти ее статуи от разрушения (Plut. Anton., 86) (35). Очевидно, институт «друзей царя» играл большую роль во внешней и внутренней политике государства Птолемеев. В 1992 г. появилось исследование профессора Афинского университета К. Бураселиса «Царские *filoi* и *amici* императора. Сходства и различия между эллинистической и римской моделями монархического правления», в котором на основании исследования этого общественного института доказывается сильное сходство эллинистических монархий и Римской империи (36).

К «друзьям царя» тесно примыкают еще две группы приближенных к трону, появившиеся в середине III в. до н.э., — люди, носящие звания «телохранитель» (*somatofulaks tou basilews*) и «старший телохранитель» (*arhisomatofulaks tou basilews*). Телохранители были и у македонских царей, причем они появились еще до Филиппа. Источником пополнения этой социальной группы, очевидно, были пажы (37). Известны как минимум два соматофилака Александра — Менет (Diod., XVII, 64, 5) и Певкест (Arr., I, 38; Arr. Ind., XVIII, 6; Curt., IX, 5, 14, 17—18; Plut. Alex., 63); сохранилось упоминание о его телохранителях — аргираспидах, участвовавших в битве при Гавгамелах (Curt., IV, 13, 26—27). Значительно позже соматофилаком Александра становится Птолемей (Curt., IX, 8, 23), который не только охраняет царя, но и занимается другими делами, которые, в частности, мешают ему выполнять свою основную функцию (IX, 5, 21). Институт «телохранителей» не был чужд и персам: Геродот сообщает (Herod., VII, 83) о том, что 10 тысяч отборных воинов, находившихся при персидском дворе, назывались «бессмертными», а первая тысяча этих воинов состояла исключительно из представителей персидской знати и была личной гвардией царя. Возможно, именно к персидским «телохранителям» восходит должность хилиарха: во времена Ахеменидов этим термином обозначался начальник отряда из 1000 царских телохранителей, а в империи Александра Македонского его получает Пердикка, положение и функции которого соответствовали первому министру. Впоследствии носители титула «соматофилак» появляются практически во всех эллинистических государствах, в том числе таких, где местные традиции, как мы видели, были достаточно сильны, как, например, в Вифинии (App. Mithr., 5).

В Египте число соматофилаков было крайне невелико. Источники содержат данные о девяти носителях этого титула (PP, II, 4325—4432), однако Л. Мурен помещает в свою просопографию только пятерых, причем четверо из них жили в III в. до н.э. (ATPE, 033—036, 0131). Самое раннее упоминание этого титула

предположительно относится к 239 г. до н.э., однако о соматофилаке Айнесидеме (SEG, II, 880; SB, I, 1685; PP, II, 4326; АТРЕ, 033) мы абсолютно ничего не знаем. Деятельность еще трех соматофилаков относится к самому концу III в. до н.э., времени царствования Птолемея V. Все они — Мойраген (Polyb., XV, 27, 6; 27, 6—11; 28, 1—9; 29, 1; PP, II, 4330a; АТРЕ, 034), Сосибий Младший, сын упоминавшегося ранее «друга царя» Сосибия (Polyb., XV, 32, 6—8; 30, 7; 31, 4; 31, 6; XVI, 22, 1—2; 22, 11), и акарнанец Аристомен (Polyb., XV, 31, 6; PP, I, 19; PP, III, 5020; PP, VI, 14592) (38) упоминаются с этим титулом только у Полибия и исключительно в связи с «другом царя» Агафоклом Самосским, который вместе с «другом царя» Сосибием в соответствии с завещанием Птолемея IV (Polyb., XV, 25, 1—2; 25, 4—5) являлся опекуном (epitropos) малолетнего Птолемея V. Не останавливаясь на вопросе, насколько надежно доверять единственному источнику, отметим, что их положение в государстве было слишком разным для носителей одного и того же титула: Мойраген был арестован по приказу Агафокла, Сосибий Младший за него заступался, а Аристомен вообще был его протеже (Polyb., XV, 31, 7—9). Когда в 203/2 г. до н.э. стратег Пелузия Тлеподем (PP, I, 50, 337; PP, II, 2180; PP, VI, 14634) поднимает восстание против Агафокла и Сосибия (39), на его сторону переходят македонские отряды столицы, а Агафокл и его родственники погибают, Сосибий Младший, поддержанный своим братом Птолемеем (PP, VI, 14779; Polyb., XVI, 22, 11), получает государственную печать (Polyb., XVI, 22, 1—2) (40); Аристомен ведет с македонскими солдатами переговоры об Агафокле (Polyb., XV, 31, 6—12), а после замены Тлеподема Аристоменом становится наставником (kathegetes) Птолемея V (Plut. Quomodo..., 7 1c) — должность, сопоставимая с рангом премьер-министра (АТРЕ, 036). О его влиянии на рубеже III и II вв. до н.э. свидетельствует факт расправы Аристомена с известным в Египте этолийцем Скопасом (PP, II, 2177; PP, VI, 15241), который после падения Тлеподема сосредоточил в своих руках военное командование, а осенью 197 г. до н.э. был вынужден отравиться вместе со своими друзьями и родственниками (Polyb., XVIII, 53, 5—8; 54, 1—7). Впрочем, эта же участь постигла и самого Аристомена, который вскоре попал в немилость и отравился (Diod., XXVIII, 14; Plut. Quomodo..., 71c-d).

Об Аристомене известно больше, чем о соматофилаках Мойрагене и Сосибии Младшем, однако этот титул он носит только у Полибия. Прочими источниками он называется лишь опекуном Птолемея V (Diod., XXVIII, 14; Agatharchides. De Mari Erythraeo, 17 // GGM. I) (41). М. Лоне один раз называет его соматофилаком (42), а другой — архисоматофилаком (43). Эта терминологическая путаница, очевидно, была свойственна и современникам Аристомена. Андрей (PP, II, 4327; PP, VI, 14581; АТРЕ, 037) и Сосибий Тарентский (PP, II, 4331; PP, VI, 14630; АТРЕ, 038), упоминающиеся у Псевдо-Аристея и Флавия ([Pseudo-] Aristeas. Epist. ad Philocr., 40; Jos. Ant. Jud., XII, 50) как ton arhisomatofulakon Птолемея II, не могли носить этого титула во второй четверти III в. до н.э., так как документальные свидетельства его появления относятся к середине II в. до н.э. В совокупности с другими доказательствами данный анахронизм позволил установить подлож-

ный характер письма (44), на самом деле относящегося ко II в. до н.э. (45), и выдвинуть не совсем убедительное (46) предположение, что Аристей заимствовал свое имя у Аристея из Аргоса, прибывшего в Александрию в 272 г. до н.э. (47). Обратим внимание, что архисоматофилак Андрей (а именно как архисоматофилак он включен в просопографию Мурена) (Jos. Ant. Jud., XII, 50) в том же самом источнике упоминается как соматофилак (Jos. Ant. Jud., XII, 18), а в другом источнике того же автора — описательно как *ten tou somatos autou fulaken enkeheirismenos* (Jos. Contra Apionem, II, 46—47). В совокупности с небольшим числом упоминаний это позволяет предполагать, что термин «архисоматофилак» — не производный от «соматофилак», как принято считать (48), а, возможно, его разновидность. Конечно, число упоминаний не может служить решающим доказательством — некоторые должности в Птолемеевском Египте упоминаются источниками по одному-два раза, — однако здесь речь идет не об армейских должностях, а о людях, занимающих видное место в государстве и просто обязанных попасть на глаза историкам. Оставшиеся случаи вполне могут быть сокращениями или следствиями неправильной реконструкции. Так, реконструкция единственного упоминания о соматофилаке во II в. до н.э. (PSI, VII, 815, ll.1-2; 816, l.7) весьма сомнительна, поскольку Эней (PP, I, 375, 640; АТРЕ, 0131) является в первую очередь стратегом Афродитопольского нома в Фиваиде.

Почему же термин «соматофилак» употребляет Полибий? Здесь речь о сокращении или неправильной реконструкции, несомненно, идти не может. Полибий просто переносит на Египет терминологию остального эллинистического мира, который термина «архисоматофилак» не знает, — он встречается только в птолемеевском Египте (49). Так, соматофилаки существовали в государстве Селевкидов (Э. Бикерман называет их «адыюгантами» (50)), где выполняли точно такие же почетные функции, как архисоматофилаки у Птолемеев; личной же охраной и эскортом царя являлись копьеносцы — *doguforoi* (Polyaen, VIII, 50; Plut. Moral., 184a). Вслед за Полибием и более поздние авторы, не видя функциональной разницы между соматофилаком и архисоматофилаком, смешали эти два понятия.

Число зафиксированных источниками архисоматофилаков птолемеевского Египта значительно больше; просопография В. Переманса и Э. Ван'т Дака содержит 40 имен (PP, II, 4284—4324), три из которых относятся к концу III в. до н.э. (АТРЕ, 039-041). Эти случаи никак нельзя назвать показательными: об архисоматофилаке Птолемея (АТРЕ, 041) нельзя сказать ничего определенного (P. Tebt., III, 773, l.2; PP, I, 40), а двое остальных — безымянный архисоматофилак и диойкет Хрисипп, — по всей видимости, связаны с сельским хозяйством: первый упоминается в связи с виноградниками (*melangeiou ampelonos*), а второй, несмотря на то, что постоянно жил в Александрии, трижды за неполных четыре года посетил Арсиноитский ном (P. Petrie, III, 53, l.2-4; PCZ, 10250; P. Grenf., II, 14, l.2). Архисоматофилаки появляются не только в Египте, но и во внешних владениях Птолемеев — на Кипре (Агий в Цитиуме (PP, II, 4284; OGIS, I, 113, l.2-3), Аммоний в Аматысе (PP, II, 4285) и Эвксимброт в Ларетосе (PP, II, 4295; AfP, 13 (1938), P. 24. N 11, ll.1-2)) и в Кирене (Филон (146 г. до н.э.) (SEG, IX, 55, ll.1-3)). Справедливо-

сти ради необходимо отметить, что в истории Пергама архисоматофилаки вообще неизвестны, а соматофилак отмечен лишь однажды. Это некто Клеон, сын Стратага из Пергама, носитель обычного титула *go somatofulaks* (OGIS, 329).

В III в. до н.э. «друг царя» и «архисоматофилак» являются должностями, а не титулами, поскольку единственный человек, который упоминается одновременно как «друг» (Jos. Ant. Jud., XII, 17; XII, 53; Zonaras, IV, 16) и «соматофилак» («архисоматофилак») (Jos. Contra Apionem, II, 46—47), — Аристей (PP, II, 4328; PP, VI, 14588 и 16965). Чуть выше мы анализировали сведения о фигурирующих в письме Псевдо-Аристее архисоматофилаках Андрее и Сосибии Тарентском, также упоминаемых Иосифом Флавием. Однако за этим историком давно известна способность заимствовать из разных источников и соединять различные, часто противоречащие друг другу версии событий (51). В возможное совмещение двух должностей не верит и крупнейший специалист по титулатуре птолемеевского Египта Л. Мурен (52), который не включает Аристее в свою просопографию (впрочем, это не мешает ему рассматривать Андрея и Сосибия Тарентского как реальных лиц, правда, действовавших не в III, а во II в. до н.э.). Кроме того, следует учитывать, что античные авторы четко разграничивают «друзей царя» и «гетайров»; даже если последний термин употребляется редко, смысл его остается неизменным; не случайно у Цезаря (Caes. Bell. Civ., III, 109, 3) двое приближенных Птолемея III — Диоскорид (PP, VI, 14601, 16594) и Серапион (PP, VI, 14627, 16633) — выступают как *necessarii* (а не *amici*) монарха (существительное «*necessarius*» имеет значение «близкий человек» с дополнительным значением «интимный друг» (53)). Как тут не вспомнить придворных пергамских царей Эвмена II и Аттала II Сосандра (RC, 61; 65) и Меногена (OGIS, 291—296), которые официально носят титул *go anakaios*! Для III в. до н.э., пожалуй, правильнее говорить о друзьях царя, а не о «друзьях царя»; своих «друзей» (в кавычках или без) имели многие люди не обязательно царского достоинства.

Принято считать, что в начале II в. до н.э. проанализированные выше должности перерастают в систему почетных титулов, даваемых *honoris causa*. Это связывается с тем, что в 197—194 гг. до н.э. Птолемей V Эпифан вводит шесть таких рангов: *go sungenes*, *ton diadohon*, *ton proton filon*, *ton filon*, *ton somatofulakon*, *go arhisomatofulaks* (54). Если четыре последние титула в той или иной степени являются вариациями ранее существовавших должностей, то *go sungenes* («родственник») и *ton diadohon* («диадох») ранее не фиксировались. Около 145 г. до н.э. Птолемей VIII Эвергет II вводит еще два почетных титула — *goi gomotimoi tois sungenesin* («приравненные к родственникам») и *goi isotimoi tois protois filois* («равный по званию первым друзьям») (55). Источником этой почетной титулатуры В. Эрнберг считает титул архисоматофилака (56).

Все введенные титулы могут быть разделены на четыре большие группы:

1. «Друзья» (в другом смысле, отличном от понимания III в. до н.э.; титул зафиксирован в формах *ton filon tou basileos* (2 случая второй половины — середины II в. до н.э. (ATPE, 0092, 00106)), *goi filoi* (23 случая 186—116 гг. до н.э. (ATPE, 0091, 0093—00105, 00107—00115)), *goi isotimoi tois protois filois* (8 случая

ев второй половины II в. до н.э. (АТРЕ, 00116—00123)), *goi protoi filoi* (67 случаев II—I вв. до н.э. (АТРЕ, 00126, 00127, 00129—00135, 00137—00141, 00143—00180, 00182—00197)) и *ton proton filon tou basileos* (6 случаев II в. до н.э. (АТРЕ, 00124, 00125, 00128, 00136, 00142, 00181))).

2. «Архисоматофилаки» (в формах *go arhisomatofulaks* (32 случая 197—130 гг. до н.э. (АТРЕ, 0040—0071)) и *ton arhisomatofulakon* (18 случаев 156—110 гг. до н.э. и 1 случай 69—60 гг. до н.э. (АТРЕ, 0072—0090))).

3. «Родственники» (в формах *goi gomotimoi tois sungenesin* (11 случаев 125—60 гг. до н.э. (АТРЕ, 00198—00208)) и *goi sungeneis* (141 случай II—I вв. до н.э. (АТРЕ, 00209—00349))).

4. «Диадокси» (38 случаев II—I вв. до н.э. (АТРЕ, 002—0039)).

Все эти титулы носили личный, а не наследственный характер (57) и не предполагали наличия специальной задачи их обладателя (58). Поразительно, что некоторые титулы привязаны к определенным областям государства Птолемеев: так, титулы *goi isotimoi tois protois filois* и *goi gomotimoi tois sungenesin* отмечены только в Среднем Египте, Фиваиде и на Кипре. Конечно, это может быть простым совпадением, однако не может не наталкивать на определенные размышления: возможно, эти титулы «равных» присваивались жителям только данных административных единиц, в то время как чиновники центральной администрации или верхушка местной власти носила другие титулы. Вопрос с аналогичной египетской титулатурой пока до конца не ясен. Источниками зафиксированы титулы *sp nswt* и *rh nswt* (59), однако их значение неизвестно.

Носители титула «диадокх» по своему социальному составу и должности были весьма близки носителям титула «архисоматофилак». Стратегами нескольких номов были и диадокх Даймах (60), и архисоматофилак Сотсион (61); должность стратега нома примерно в одно и то же время были диадокх Кидий (62) и архисоматофилак Гиероним (63); фрурархами во внешних владениях служили диадокх Ладамос (64) и архисоматофилак (65); должность эпистата Патиритского нома в разное время были диадокх Дионисий (66) и архисоматофилак Гермокл (67).

Если предположение В. Эренберга о том, что «диадокси» являлись претендентами на более высокий пост (68), верно, этот институт может соответствовать селевкидскому корпусу пажей, насчитывавшему при Антиохе IV до шестисот человек (Polyb., XXXI, 3, 17) и считавшемуся «питомником военачальников и наместников» (Curt., VIII, 6, 6). Известно о существовании подобного института и в древней Македонии (69).

Нельзя не обратить внимание, что к концу II в. до н.э. оба эти титула, сначала даровавшиеся высшим чиновникам, присваиваются и чиновникам среднего и даже низшего звена. В отношении других титулов этого не наблюдается; более того, носителями титула *goi sungeneis* на протяжении двух веков истории империи Птолемеев остаются высшие государственные чиновники — стратеги Кипра (например, Птолемей Макрон (SIG, II, 585, l.139; SEG, XVI, 785, 794; SB, VIII, 10012, 10015; OGIS, I, 105; Polyb., XXVII, 13; ICr., IV, 209A, ll.2-3; IG, II—III, 908, l.4 (= OGIS, I, 117); II Macch., X, 12—13; PP, VI, 15069; АТРЕ, 0350)), Фиваиды

(Платон (P. Adler, 10, 1.4; P. Bouriant, 10, 1.1 (= SB, III, 6643); 11; 12, 1.1; SB, III, 6300, 1.1; P. Bad., II, 16; PP, I, 198; АТРЕ, 059), Арсиноитского нома (Парфений (P. Tebt., I, 101, II.2-3; PP, I, 299; АТРЕ, 075), Лисаний (P. Tebt., I, 41, II.11-12, 35—36; P. Mil. Vogl., III, 128, 1.1; PP, I, 276; АТРЕ, 076), Аполлоний (P. Tebt., I, 43, II.33-34; PP, I, 223; АТРЕ, 078)), других номов Египта, Киликии, эпистратеги хоры, эпистографы, диойкеты и др. Из числа «родственников» во второй половине I в. до н.э. (то есть в самом конце эпохи Птолемеев) выделяются «братья царя» — титул, ранее в эллинистическом Египте не встречавшийся. Это стратеги нескольких номов Пахом-Гиерак (Graffiti Philae, 327; SB, I, 1560; PP, I, 265, 302; PP, III, 5711; АТРЕ, 0127) и Паменхес (AEZ, 57 (1922). P. 88—90; PP, III, 5688; АТРЕ, 0128), а также два стратега Тентириитского нома — Панас (PP, I, 293; АТРЕ, 0137) и его сын Птолемей (Aeg., 29 (1949). P. 22—24; PP, I, 322; АТРЕ, 0138). Последний, упоминающийся в источниках от 27 декабря 13 г. до н.э. (т.е. уже в римский период), носит уже титул «брат фараона»; сходный титул — «брат семьи фараона» — был зафиксирован и раньше, в 60—50-е гг. до н.э., применительно к стратегу нескольких номов в Фиваиде Монкоресу (PP, I, 283, 284; II, 2121; II, 5640, 5641; АТРЕ, 0124) и его сыну Памонтесу уже в начале римского периода (PP, II, 2125; PP, III, 5690; АТРЕ, 0129). Напомним, что у Селевкидов значительно раньше были зафиксированы титулы «брат» (OGIS, 138) и даже «отец и брат» (SEG, VII, 62, 33), что позволяет предполагать наличие определенного селевкидского влияния на политические процессы, протекавшие в государстве Птолемеев. Родственные связи носителей появившихся в позднептолемеевском Египте титулов (Панас — Птолемей и Монкорес — Памонтес) заставляют предполагать, что титул «брат фараона» («брат семьи фараона») передавался по наследству, а значит, в корне отличался от прочих почетных титулов, присуждавшихся исключительно за заслуги.

В связи с этим нельзя не поставить вопрос о происхождении данных почетных титулов и, соответственно, об их иерархии. Говоря о «друзьях», мы подчеркнули, что этот институт имел македонское происхождение. Действительно, о «друзьях» персидских царей источники не сообщают ничего. Впрочем, Курций упоминает «друзей» Пора (Curt., VIII, 14, 9), но, скорее всего, он калькирует реалии современного ему мира на то, что происходило во времена Александра, а кроме того, здесь речь придется вести не о персидском, а об индийском влиянии, что, конечно, маловероятно. Однако сказать, что институт «друзей» совсем не имел восточных параллелей, нельзя.

При персидском дворе существовал титул «родственники» (*cognatos regis* (Curt., III, 3, 14)), носители которого имели право на поцелуй самого царя (Arr., VII, 11, 6). Иногда под «родственниками» могут подразумеваться настоящие члены семьи — персидский военачальник Фарнак — брат жены Дария (Diod., XVII, 21, 3) или его зять, сатрап Ионии Спифробат, которого в сражении против македонцев сопровождали уже его собственные родственники (Diod., XVII, 20, 2). Однако упоминание о пятнадцати тысячах «родственников» (Curt., III, 3, 14) не позволяет предположить, что все они действительно принадлежали к семье царя.

Персидская знать в значительной степени носила придворный, а не наследственный характер. Показательным в этом отношении является проникновение в число знати неперсидской элиты, которое началось как минимум при Дарии III (70).

История появления в эллинистических монархиях титула «родственник» прекрасно известна из источников. По свидетельству Арриана (Arr., VII, 11, 6—7), некий Каллин, возмущившись высоким положением, которое персы занимали при дворе Александра, добился того, чтобы царь включил в число своих «родственников» и македонцев. Так персидский титул получил новую жизнь. Следует напомнить, что в Египте он появился только во II в. до н.э., в то время как у Селевкидов он существовал изначально (может быть, даже в более конкретных формах: один из главных помощников Антиоха III, Антипатр, носит титул «племянник царя» (Polyb., V, 79, 12; 87, 1; XXI, 16, 4), хотя, возможно, он действительно состоял с Антиохом III в родстве по линии матери (71). Напротив, титул «друг царя» у Селевкидов появляется лишь в начале II в. до н.э., то есть примерно тогда же, когда в Египте происходит реформа придворных титулов. Первое употребление титула «друг» зафиксировано в письме Селевка IV городу Селевкии-в-Пиерии в 186 г. до н.э. (OGIS, 45). Но, даже появившись, этот титул занял лишь подчиненное положение в Передней Азии; «родственники» представляли собой высшие круги знати, лиц, наиболее приближенных к царю (прямые указания — I Macch., 3, 32; II Macch., 11, 12; OGIS, 259) (72). Предтечей «друзей царя» в государстве Селевкидов, возможно, были «фавориты», которые вели вместо монарха международные переговоры (так, в 193 г. до н.э. переговоры с римлянами вел Минион (Liv., XXXV, 15)), представляли царя во время отъезда (Андроник представлял Антиоха IV (II Macch., 4, 31)), оказывали влияние на царя (II Macch., 4, 44) и даже правили за него (киприоты Темисион и Аристос — вместо Антиоха II (Phylarch, 6 (FGH, 81) = Athen., X, 438d)).

Таким образом, в государстве Птолемеев получила развитие македонская традиция «друзей», в то время как Селевкиды сохранили унаследованный от персов общественный институт «родственников». Сословную или функциональную разницу между египетскими «друзьями» и переднеазиатскими «родственниками» выявить невозможно. Остается констатировать, что это — один и тот же институт, имеющий, правда, разные корни. Что стало причиной такого разделения, можно лишь предполагать. Вероятно, на структуру титулов в государстве Селевкидов большое влияние оказали традиции вавилонского двора Александра, при котором, собственно, и происходило появление титула «родственник». Птолемеи, в свою очередь, мог механически перенести на египетскую почву македонские реалии.

Реформа начала II в. до н.э. (очевидно, проводившаяся и Птолемеями, и Селевкидами) заставляет предполагать, что в это время происходит определенное взаимовосприятие культурных норм, возможно, инспирированное какими-либо совместными акциями внешнего характера. «Друзья» появляются в Передней Азии, где занимают подчиненное положение по отношению к «родственникам». Разница между раннептолемеевскими и селевкидскими «друзьями царя» хорошо видна: если первые выполняют реальные функции в системе управления государ-

ством, то вторые могут рассматриваться как компаньоны царя (73), которые сопровождают его как на войну и охоту (Plut. Mor., 184d), так на прогулку (Polyb., V, 56, 10), и выручают в беде (Plut. Mor., 508d; Jos. Antt., XIII, 368). Может быть, правильно сопоставить их с пергамскими носителями титула *diatribon para toi basi-lei* — Менандром (SIG, 655), Феофилом (IG, II, 947) и Эпигоном Тарентским (74).

«Родственники», в свою очередь, встраиваются в придворную систему государства Птолемеев. В этой связи нельзя обойтись и без постановки вопроса об иерархии придворных титулов в эллинистическом Египте II—I вв. до н.э. Для решения данного вопроса немаловажный характер может иметь анализ ситуации, в которой носители разных титулов действуют вместе или в сходной ситуации. К сожалению, таких данных в источниках крайне мало. 11 декабря 117 г. до н.э. в суде Гермия (Фивы) одновременно и в одном и том же качестве (UPZ, II, 162, I, ll.4-6) заседали архисоматофилаки Полемон (PP, II, 4311; АТРЕ, 0327) и Гераклид (PP, II, 4299; АТРЕ, 0328), «друзья царя» Аполлоний (АТРЕ, 0329) и Гермоген (АТРЕ, 0330), а также диадок Панкрат (АТРЕ, 0331). Стратег Мемфисского нома Посидоний (PP, I, 310; АТРЕ, 091, 0299) в 158—157 гг. до н.э. называется «другом царя» (UPZ, I, 12; 14), а в 156 г. до н.э. — архисоматофилаком (UPZ, I, 15; 16; 122; 123). Точно так же диойкет Диоскурид (PP, I, 27; АТРЕ, 0162) в 157 г. до н.э. называется «другом царя» (UPZ, I, 14, l.123), а в 156—155 гг. до н.э. — архисоматофилаком (P. Berl. Zill., I, l.22). Если придворные титулы действительно имели такую важность, как это пытается представить Л. Мурен, такая небрежность в их определении или столь частая их смена имеет более чем странный характер. Остается лишь предположить, что в государстве Птолемеев, по крайней мере, во второй половине II в. до н.э., было возможно сочетание титулов «друг царя» и «архисоматофилак» у одного лица. Такое допущение позволило бы объяснить относящийся как раз к середине II в. до н.э. и рассматривавшийся выше случай Аристея, который у Иосифа Флавия выступает и как «друг», и как архисоматофилак. Аналогичная ситуация имела место и чуть ранее, в 70-е гг. II в. до н.э., когда стратег Фиваиды Гиппал практически одновременно упоминался и как архисоматофилак (P. Lond., inv.610, l.166), и как *ton proton filon* (SB, V, 8876; P. Tebt., III, 895, l.1).

Следует обратить внимание на чрезвычайно подробную дифференциацию носителей титула «друг». Таковая дифференциация может иметь селевкидские корни; Э. Бикерман (75) полагал, что Селевкиды именно из Азии унаследовали свои как минимум четыре градации «друзей»: «друзья царя» (Polyb., XXXI, 3, 26; I Macch., 7, 8; Jos. Antt., XIII, 225), «почетные друзья» (RC, 45), «первые друзья» (OGIS, 225; 256; I Macch., 10, 60; 11, 27; II Macch., 89; Liv., XXXV, 15, 7) и «первые и весьма почитаемые друзья». Эти градации, по мнению Э. Бикермана, варьировались в зависимости от степени близости к царю (76). Четыре варианта этого титула зафиксированы и для Пергама: *go filon* (SIG, 651), *go filon protos* (MAMA, VI, 68), *ton filon ton protimomenon* («высокопочитаемые друзья»; RC, 50) и даже *ton filon en timei tei protei onta* («пребывающие в высшей чести друзья»; RC, 49). «Родственники» в Пергаме встречаются один раз в форме *go sungenes* (OGIS, 290) и еще

один раз — в форме *go oikeios* (77), однако их с успехом заменяют «совоспитанники» (*go suntrofos tou basileos*), которых — с совершенно одинаковой формулировкой титула (78) — насчитывается четверо: это уже упоминавшийся Сосандр (Polyb., XXXII, 15, 10), Андроник (OGIS, 323; Polyb., XXXII, 16, 2; App. Mithr., 4—5), Аполлонид (OGIS, 334) и Феофил (SEG, XIV, 127).

На основании всего вышеизложенного можно сделать вывод: институт «друзей царя» был воспринят в Египте еще в конце IV — начале III в. до н.э. и в начале II в. до н.э. утратил реальный статус, превратился в почетный титул, уже в этом виде был заимствован Селевкидами и наложился на уже существовавший в их государстве институт «родственников», создав нижний уровень двора. Далее развитие института «друзей царя» в Египте и государстве Селевкидов пошло сходными путями. Реформа Птолемея V привела к созданию института «родственников» и в Египте, однако ярко выраженного доминирующего положения «родственники» изначально не получили. В то же время институт «друзей царя» постепенно деградировал и к концу эллинистической эпохи окончательно сблизился со своим селевкидским аналогом. Тот же процесс шел и в других эллинистических государствах: источники, к примеру, содержат упоминания о «друзьях» Митридата Евпатора (Strabo, XI, 2, 18).

И только теперь мы можем поставить вопрос о значении института «друзей царя» в истории раннеэллинистической монархии. Г.С. Самохина, правильно указывая на структурообразующий характер этого института, сразу приступила к анализу «совета друзей», который, как мы видели выше, по крайней мере, в Египте, появляется очень поздно и никак не может выполнять функции руководящего органа в период становления и укрепления неограниченной власти Птолемеев. Ф. Уолбэнк полагал, что основной причиной образования слоя «друзей царя» (думаю, к их числу можно отнести и соматофилаков (в Египте — архисоматофилаков)) являлось стремление обеспечить видимость легитимной власти новой и весьма слабой монархии; при отсутствии легитимности власти не было и слоя, на который в первое время могли бы опереться Птолемеи, следовательно, появление «друзей» было жизненно необходимо, а их происхождение не имело никакого значения (79). Показательной в этом плане является надпись Антиоха I (OGIS, 219), где «друзья» и армия упоминаются сразу после богов как помощники царя.

Ко II в. до н.э. в различных государствах появляются династии — возникает понятие легитимности, и институт друзей — сначала в Египте, а менее чем через десять лет в государстве Селевкидов — трансформируется, свидетельствами чего являются, например, восстание Молона против Антиоха III (Polyb., V, 52—54) или восстание Ахея (Polyb., V, 57). «Друзья» выстраиваются в иерархию и пытаются пробиться ближе к царю. Это общая тенденция во всех эллинистических государствах, однако наиболее ярко она проявляется в Египте, где в начале II в. до н.э. появляется большое количество титулов «друзей»: то, что раньше предполагалось, теперь закрепляется официально, на формальных основаниях распределяя посты в бюрократии.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) *Mooren L.* The Aulic Titulature in Ptolemaic Egypt. Introduction and Prosopography. — Brus-sel, 1975 (далее — АТРЕ), 01—023. Существует также многотомное просопографическое исследование «Prosopographia Ptolemaica»: *Peremans W., Van't Dack E.* Prosopographia Ptolemaica. L'administration civile et financiere. — Leuven — Paris — Leiden, 1950 (да-лее — PP, I); *Peremans W., Van't Dack E.* Prosopographia Ptolemaica. L'armee de terre et la police. — Leuven — Leiden, 1952 (далее — PP, II); *Peremans W., Van't Dack E., Meule-naere H. de, Ijsewijn J.* Prosopographia Ptolemaica. Le clerge, le notariat, les tribunaux. — Leuven — Leiden, 1956 (далее — PP, III); *Peremans W., Van't Dack E.* Prosopographia Ptol-emaica. L'agriculture et l'elevage. — Leuven, 1959 (далее — PP, IV); *Peremans W., Van't Dack E.* Prosopographia Ptolemaica. Le commerce et l'industrie, le transport sur terre et la flotte, la domesticite. — Leuven, 1963 (далее — PP, V); *Peremans W., Van't Dack E., Mooren L., Swinnen W.* Prosopographia Ptolemaica. La cour, les relations internationaux et les posses-sions exterieures, la vie culturelle. — Leuven, 1968 (далее — PP, VI).
- (2) *Robert L.* Etudes anatoliennes. — P., 1937. — P. 238.
- (3) *Самохина Г.С.* Держава первых Антигонидов (К вопросу об организации и структуре ранне-эллинистического государства): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. — Л., 1976. — С. 8.
- (4) *Daskalakis A.* The Hellenism of the Ancient Macedonians. — Thessalonike, 1965. — P. 31.
- (5) *Jouguet P.* Macedonian Imperialism and the Hellenization of the East. — L.- N.Y., 1928. — P. 63.
- (6) *Heckel W.* The Marshals of Alexander's Empire. — L.- N.Y., 1992.
- (7) *Зельин К.К.* К вопросу о социальной основе борьбы в македонской армии 330—328 гг. до н.э. (Заговор Филоты) // Проблемы социально-экономической истории древнего мира. Сборник памяти акад. А.И. Тюменева. — М.-Л., 1963. — С. 260—262, 266.
- (8) *Schachermeyr F.* Alexander der Grosse. Ingenium und Macht. — Graz, 1949. — S. 402.
- (9) *Walbank F.W.* The Hellenistic World. — L., 1981. — P. 76; *Бикерман Э.* Государство Селевкидов. — М., 1985. — С. 39.
- (10) *Will E.* Histoire politique du monde hellenistique (323—30 av. J.-C.). — Vol. I. Nancy, 1966. — P. 48—53; RE, 2A (1923), col. 1211—1213; RE, 23 (1959), col. 1612—1616.
- (11) RE, 1 (1894). — Col. 2162. — No 11.
- (12) *Mitford T.B.* Opusc. Athen., 3. — 1960. — P. 198. N. 6; RE, 2 (1896), col. 685, No. 7; RE, 23 (1959), col. 1614.
- (13) RE, 23 (1959), col. 1650; Will E. — Op. cit. — Vol. I. — P. 126.
- (14) *Robert L.* Etudes epigrafiques et philologiques. — Paris, 1938. — P. 116.
- (15) См.: *Hauben H.* Callicrates of Samos. A Contribution to the Study of the Ptolemaic Admi-ralty // SH, 18. — Leuven, 1970.
- (16) RE, 2 (1896), col. 2039. No. 4; RE, 18, I (1939), col. 475. No. 2; Will E. Op. cit. — Vol. II. — P. 163.
- (17) RE, 23 (1959), col. 1685.
- (18) RE, 3A (1929), col. 142—143. No. 2; col. 144. No. 3; col. 144 s.v. Simmeas.
- (19) RE, 4 (1901), col. 2802. No. 46; RE, 21 (1952), col. 1438—1439.
- (20) RE, 23 (1959), col. 1761—1762. No. 40; *Ijsewijn J.* Observaciones prosopographicae ad Sacer-dotes Eponymos Lagidarum pertinentes // Aeg., XXXVIII (1958). — P. 167; *Fraser P.M.* Ptolemaic... Vol. I. — P. 104—105; Vol. II. — P. 191. — Not. 87.
- (21) RE, 5 (1905), col. 913. No. 70; RE, 19 (1938), col. 1164—1165 s.v. Petosarapis; *Bevan E.R.* Histoire des Lagides. — P., 1934. — P. 289—290; SEHWW. Vol. II. — P. 719—723.
- (22) RE, 22 (1954), col. 1176—1177, No. 1, 2; PP, VI, 14620; АТРЕ, 028.
- (23) *Fraser P.M.* Ptolemaic Alexandria. — Oxf., 1972. — Vol. I. — P. 239—240, 568—569; Vol. II. — P. 389. — Not. 393.

- (24) *Тураев Б.А.* История древнего Востока. — Л., 1936. — Т. 2. — С. 164.
- (25) См.: *Wehrli F.* Demetrios von Phaleron (Die Schule der Aristoteles. Texte und Kommentar. Heft IV). Basel — Stuttgart, 1968. — S. 9—20; FGH, 228; RE, 4 (1901), col. 2817—2841, No. 85; Re, Suppl. 11 (1968), col. 514—522.
- (26) RE, Suppl. 7 (1940), col. 1221—1222.
- (27) См. также: *Fraser P.M.* Op. cit. — Vol. I. P. 18—20; Vol. II. — P. 50. — Not. 111; P. 52. — Not. 121.
- (28) *Fraser P.M.* Op. cit. — Vol. II. — P. 1004. — Not. 1.
- (29) Список см.: *Ильинская Л.С.* Античность. Краткий энциклопедический справочник. — М., 1999. — С. 340.
- (30) *Mitford T.B.* The Inscriptions of Kourion. — P. 87—89. — No. 40.
- (31) RE, 19 (1938), col. 392—393, s.v. Pelopsinselchen (nesides Pelopos); *Fraser P.M.* Op. cit. — Vol. I. — P. 104; Vol. II. — P. 191. — Not. 85.
- (32) RE, 1 (1894), col. 759, s.v. Agathokleous nesoi.
- (33) АТРЕ. P. 17.
- (34) *Ehrenberd V.* The Greek State. — L., 1969. — P. 165.
- (35) RE, 2 (1896), col. 466, No. 3; PP, VI, 14593.
- (36) См.: *Подосинов А.В.* Античная история в европейских школьных учебниках (Конференция в Дельфах, 4—9 апреля 1992 г.) // ВДИ. — 1993. — № 2. — С. 251—254.
- (37) *Fraser P.M.* Op. cit. — Vol. I. — P. 102.
- (38) RE, 2 (1896), col. 948. No. 2.
- (39) См.: *Ранович А.Б.* Эллинизм и его историческая роль. — М.-Л., 1950. — С. 216.
- (40) RE, 3A (1929), col. 1152. No. 4; PP, I, 12.
- (41) См. также: *Fraser P.M.* Op. cit. — Vol. I. — P. 541; Vol. II. — P. 775. — Not. 172.
- (42) *Launey M.* Recherches sur les armees hellenistiques. — Vol. I. — P. 1949. — P. 206—207.
- (43) Ibid. — Vol. II. — P., 1950. — P. 1137.
- (44) *Van 't Dack E.* La date de la lettre d'Aristee // SH. 16. — P. 263—278.
- (45) См.: АТРЕ. — P. 28. — Not. 2; P. 29. — Not. 6.
- (46) АТРЕ. — P. 28. — Not. 3.
- (47) *Stambaugh J.E.* Aristeeas of Argos in Alexandria // Aeg., 47 (1967). — P. 69—74.
- (48) АТРЕ. — P. 15.
- (49) Ibid. — P. 1.
- (50) *Бикерман Э.* Указ. соч. — С. 38.
- (51) *Кошеленко Г.А.* Государство Селевкидов и Пергамское царство // Источниковедение древней Греции (эпоха эллинизма). — М., 1982. — С. 126.
- (52) АТРЕ. — P. 27.
- (53) Латинско-русский словарь / Сост. И.Х. Дворецкий и Д.Н. Корольков; под общ. ред. проф. С.И. Соболевского. — М., 1949. — С. 577, s.v. (2).
- (54) См.: АТРЕ. — P. 2.
- (55) АТРЕ. — P. 2. — P. 29. — Not. 3; традиционный в отечественной историографии перевод см.: *Фихман И.Ф.* Введение в документальную папирологию. — М., 1987. — С. 174.
- (56) *Ehrenberd V.* The Greek State. — L., 1969. — P. 165.
- (57) Ibid. — P. 165.
- (58) АТРЕ. — P. 9.
- (59) АТРЕ. — P. 33—34.
- (60) 178—166 гг. до н.э.; BGU, X, 1907, 1.1; SB, V, 8033; PP, I, 238; АТРЕ, 0117.
- (61) 175—170 гг. до н.э.; SB, VIII, 10163, 1.5—6 (= SEG, XX, 641); *Fraser P.M.* Op. cit. — Vol. II. — P. 325. — Not. 12; PP, I, 335; PP, VI, 16957; АТРЕ, 064.
- (62) Стратег Гераклеопольского нома (167—159 гг. до н.э.); P. Hamb., I, 57, 1.21; 91, 1.1; UPZ, I, 9, 1.12; 10, 1.28-29; 11, 1.19; PP, I, 274; АТРЕ, 095.

- (63) Стратег Фиваиды (169—164 гг. до н.э.); SB, I, 1436, l.5-9; RE, 8 (1913), col. 1539—1540; PP, I, 192; PP, II, 1916; АТРЕ, 050.
- (64) Командующий гарнизоном Феры (Кикладские острова; 170—164 гг. до н.э.); OGIS, II, 735, ll.3-5, 11—12, 21 (= IG, XII, 3, Suppl. 1296); *Fraser P.M.* Op. cit. — Vol. II. — P. 150. — Not. 211; PP, VI, 15115; АТРЕ, 0365.
- (65) Командующий городом Китион (Кипр; 163—145 гг. до н.э.); OGIS, I, 113, l.2-3; PP, II, 4284; АТРЕ, 0362.
- (66) Ок. 134 г. до н.э.; P. Giss., I, 108, ll.12,18; UPZ, II, 185, I, l.1-2; P. Lond., 683; PP, I, 376; АТРЕ, 0144, 0195.
- (67) 111—110 гг. до н.э.; UPZ, II, 189, l.1-2; 191, l.17; 193, ll.30, 36—37; PP, I, 378; АТРЕ, 0145.
- (68) *Ehrenberd V.* The Greek State. — L., 1969. — P. 165.
- (69) См.: *Hammond N.G.L.* The Macedonian State. The Origins, Institutions and History. — Oxf., 1989. — P. 140—148.
- (70) *Иванчик А.И.* История державы Ахеменидов: источники и новые интерпретации // ВДИ. — 2000. — 2. — С. 186.
- (71) *Бикерман Э.* Указ. соч. — С. 25.
- (72) *Ehrenberd V.* Op. cit. — P. 165; *Бикерман Э.* Указ. соч. — С. 42.
- (73) *Бикерман Э.* Указ. соч. — С. 48.
- (74) *Allen R.* The Attalid Kingdom: A Constitutional history. — Oxf., 1983. — P. 226. — No 26.
- (75) *Бикерман Э.* Указ. соч. — С. 42.
- (76) Там же. — С. 46.
- (77) *Allen R.* Op. cit. — P. 223. — No 18.
- (78) Перевод см.: *Климов О.Ю.* Коллегия атталистов в Пергаме // ВДИ. — 1986. — 4. — С. 102—108.
- (79) *Walbank F.W.* The Hellenistic World. — L., 1981. — P. 75.

FILOI TOU BASILEUS IN THE HELLENISTIC MONARCHY

R.V. Zarpin

Department of World History
Russian State University of Humanities
Chayanov str., 15, Moscow, Russia, 125267

The article is devoted to the problem of *filoi tou basileus* in hellenistic times. The author demonstrates that this institution appeared in the Ptolemaic kingdom in the 4th century B.C. and was later accepted by the Seleucids. The main object of his analysis is the structure and functions of this institution before and after the transformation of the aulic titlature in the mid-second century B.C.

Key words: the institution of *filoi tou basileus*, the Ptolemaic kingdom, the Seleucids kingdom, the 4th century B.C., the aulic titlature.